

АСЯ ЛЮБИЧ

КАК СДЕЛАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БАНДИТА

ЧЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Ася Любич

**Как сделать бандита
честным человеком**

«Автор»

2026

Любич А.

Как сделать бандита честным человеком / А. Любич — «Автор», 2026

— Если ты реально так хороша, как трепалась, я тебя озолочу, а твоего отца вылечу. Но если ты меня предашь, Владимировна я уничтожу всю твою семью. По одному. А тебя заставлю смотреть.— Вам нет равных в деловых переговорах, Вячеслав Борисович.***Конец девяностых, Питер. Вере двадцать два. У неё красный диплом, английский, выученный ночами в общежитии, и девять отказов за две недели. «Не женское это дело — бизнесом заниматься». Отцу-шахтёру нужно лечение, за квартиру платить нечем, и семья вот-вот вернётся в Якутск ни с чем. Вячеслав Вольский привык брать всё силой: заводы, склады, женщин. Он не любит работать с бабами и не доверяет банкам. Девчонка, которая сунулась в его логово, должна была как минимум пожалеть об этом, но он берет ее на работу, чтобы наконец легализовать свой бизнес. Она ставит ему единственное условие: Никаких личных отношений с боссом.

© Любич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	17
ГЛАВА 4.	21
Глава 5.	23
ГЛАВА 6. Слава	25
Глава 7. Вера	29
Глава 8. Вера	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ася Любич

Как сделать бандита честным человеком

ПРОЛОГ

Слава

— Отдай мне свою секретаршу на пару ночей.

— Какую из них? — я лениво крутил в пальцах стакан с виски, чувствуя, как алкоголь разливается тёплой волной по венам. — Если они не против, то кто я такой, чтобы препятствовать чистой и светлой любви на пару ночей?

Резкий гул музыки и приглушённый смех наполняли VIP-зону на втором этаже клуба. Тяжёлый запах дорогого алкоголя, сигар и мужского парфюма висел в воздухе, смешиваясь с холодным сквозняком от приоткрытой двери на балкон.

Мясницкий развалился в кожаном кресле напротив, его золотая цепь поблёскивала в свете приглушённых ламп, а на лице играла привычная наглая ухмылка.

— Я про Емельянову.

Резко поворачиваю голову. Вся алкогольная расслабленность мгновенно растворяется в острой вспышке раздражения, будто кто-то плеснул ледяной водой в лицо. Потому что должность Веры никогда не звучала так оскорбительно пошло.

— Она не секретарша, — напоминаю, уже не впервые раз и не первому человеку. — Она коммерческий директор.

— Ну пусть так, — усмехается Мясницкий, откидываясь глубже в кресло. — Так отдашь? Сам не пользуешься, чего добру пропадать.

— Она слишком ценный кадр, чтобы терять её из-за банальной похоти, — я ставлю стакан на стол с глухим стуком. Внутри поднимается глухое, тёмное раздражение, смешанное с чем-то более острым, почти болезненным. — Да и не из тех она, кто на одну ночь ляжет. Такие девушки ищут любовь на всю жизнь. Да и ты видел её? Чопорная, всегда в сером, хрен дотронуешься. Наверняка в постели — бревно. Найдёшь себе получше.

— Ну не знаю, — Мясницкий проводит языком по губам, глаза его блестят. — Она вон на танцполе так зажигает, что у меня в штанах тоже начался свой собственный танцпол.

— На каком танцполе? — я хмурюсь, не веря. — Она же не танцует. Сколько раз звал её на разных мероприятиях — всегда отказывалась.

— Ну вон на том, который на первом этаже.

Недоверчиво хмурясь, я резко поднимаюсь с дивана. Пацаны вокруг напрягаются, но я машу рукой — спокойно, отдохайте. Подхожу к перилам, облокотившись на холодный металл, и смотрю вниз. Море дергающихся тел под ритм группы «Краски», которая надрывно поёт про любовь к бандиту. И почти сразу выхватываю взглядом тёмный шёлк волос, который двигается так страстно, так свободно, что слова «чопорная» и «бревно» кажутся теперь нелепой шуткой.

Вера почти в самом центре зала, в компании какого-то хлыща в полосатой рубашке. Её тело изгибается в такт музыке, бёдра плавно покачиваются, волосы разлетаются по плечам. Чёрная юбка, которую я никогда раньше на ней не видел, едва прикрывает бёдра, а красная помада на губах горит ярким пятном в полумраке. Она улыбается — искренне, широко, с искрами в глазах. Улыбается не мне.

Я не знаю, сколько стою так, сжимая поручень до побелевших костяшек. В груди жжёт. Она может улыбаться вот так. Умеет. Но мне всегда доставалось только холодное «Не выражайтесь, Вячеслав Борисович». А теперь позволяет какому-то придурку лапать себя за талию,

прижиматься ближе. Позволяет. Её тело, которое я видел всего однажды — случайно, в приоткрытую дверь примерочной — теперь почти открыто для чужих рук.

Возвращаюсь за стол. Если сидеть дольше, можно натворить глупостей. Например, спуститься и совершить убийство на глазах всего зала. Или потерять самого ценного сотрудника, ценнее которого у меня только собственные руки.

— Ну как она? Горячая? — Мясницкий ухмыляется ещё шире.

— Нормально, — почти выплевываю я.

— Ну так что? Можно мне её на разок? — он сушит дёсны, показывая новый золотой зуб, и мне дико хочется выбить его прямо сейчас.

Я залпом выпиваю стопку водки, с грохотом ставлю её на стол. Забавно, но на эту встречу меня отправила именно она. Вера. Верка...

— Только после меня, — я встаю, хватаю пиджак и, не оглядываясь, спускаюсь вниз по лестнице.

Останавливаюсь чуть выше уровня танцпола, снова выхватывая в толпе её блестящие волнистые локоны. Вот она. Расстаралась, тварь. Губы алые, ресницы густо завитые, юбка обтягивает бёдра так, что видны колени. Ноги — длинные, стройные, в чёрных колготках — кажутся бесконечными.

Спрыгиваю с последней ступеньки и буквально ввинчиваюсь в толпу. Подхожу сзади, когда слышу:

— Тут так шумно... Может, у меня продолжим?

— Давай, — соглашается она легко, и я сжимаю кулаки до хруста.

Сколько было лекций про секс на одну ночь. Сколько наставлений, что мне нужно остепениться. А сама...

Лицемерная сука.

Они уже уходят. Я догоняю их на улице. Морозный воздух обжигает лицо, снег тихо сыплется на асфальт. Хлыщ галантно помогает ей надеть ту самую шубку — норковую, которую я три дня уговаривал её взять в Греции. Ни разу не надела. А сегодня — пожалуйста.

Когда он открывает дверь своей убитой девятки, я просто беру его за пальцы и сжимаю со всей силы. Он орёт.

- Ян! - Вера резко оборачивается, глаза её расширяются от испуга.

— Вячеслав Борисович, вы... — испуг быстро тает, и вот передо мной снова хладнокровный специалист. — Вы нарушаете закон прямо на глазах у людей. У кого-то может быть фотоаппарат. Мы же говорили про подобное. Да отпустите же его!

Она влезает своим хрупким телом между нами, пытается оттолкнуть, но парень уже на коленях, воет.

— Как меня зовут.

— Что? Вы сколько выпили?

— Как меня зовут! — рычу я. — Попроси нормально, без твоей занудной херни.

— Вы опять ругаетесь...

Один палец хрустит в моей ладони. Она топает ножкой в лаковых ботильонах.

— Слава! Отпусти его немедленно! И иди проспись.

Отпускаю. Парень смотрит на свою руку и почти хнычет.

— Давайте доведём до травмпункта, — тихо говорит Вера ему вслед.

— Сам доедет, — я запикиваю его в машину, бросаю водителю пачку денег. — Довези и проследи, чтобы перебинтовали всё.

— Только обязательно проверьте, — кричит она ему вслед, а я уже дёргаю её к себе за шубу.

— Отпустите. Вы пьяны. Вы потом пожалеете обо всём.

— В мою машину садись.

— Ну уж нет! У меня сегодня не было в планах смерти.

— Только секс, да? Одноразовый секс, которым ты вечно меня пугаешь.

— Мы встречаемся с ним уже три месяца!

— Ой, так я прервал интимное свидание? Презервативы взяла, а то еще подхватишь чего, — я тащу её к своей новой «Бэхе», которую она называла расточительством. Открываю дверь, толкаю внутрь. Она пытается вырваться, но я блокирую замки.

Долго стою на морозе, курю, глубоко затягиваясь. Холодный воздух обжигает лёгкие. Если сяду сейчас — просто возьму то, что давно уже принадлежит мне. А не какому-то придурку в полосатой рубашке.

Она стучит в окно, лицо серьёзное, напряжённое. Наконец сажусь внутрь. Тепло салона обволакивает, запах её духов — лёгкий, вишнёвый — ударяет в голову.

— Как вы тут оказались? Я же вам сауну заказала, девочек...

— Мясницкий сделал какую-то прививку, ему нельзя временно водные процедуры, — говорю почти спокойно, а потом поворачиваю голову и медленно осматриваю её с ног до головы. Лаковые ботильоны, чёрные колготки, юбка, которая едва прикрывает бёдра, шубка, которая сидит на ней так чертовски сексуально.

— Я тебя хочу.

— Я догадалась, — она отводит взгляд, но щёки розовеют.

— Нельзя быть такой умной.

— Вячеслав...

— Ещё раз...

— Слава, послушайте... — делает вид, что не боится. — Вы пьяны, а я выгляжу не так привычно. У вас разыгралась ревность, потому что вы каждого сотрудника считаете своей собственностью. Возбудоражила похоть, потому что впервые увидели мои колени, распущенные волосы и эти красные губы. Но завтра вы поймёте, как глупо себя вели. Давайте просто успокоимся и подумаем, как прошла встреча с Мясницким. Он подпишет документы завтра? Мне прислать юристов?

Я смотрю на её губы. Они слегка приоткрыты, дыхание учащённое.

— Ты знала, что у меня на твою умную болтовню с первого дня встаёт член? — говорю ниже, почти хрипло. — Я и половины не понимаю, а он как каменный. Потрогай.

Хватаю её тонкую руку и тяну к себе. Она пытается вырваться, качает головой, но я не отпускаю.

— Вы правда готовы потерять меня как специалиста ради одного не слишком удачного секса? — она упирается, пытается отвернуться, но я чувствую, как бьётся её сердце, как вздымается грудь под тонкой блузкой.

Вдыхаю её аромат, веду носом по шее. Кожа горячая, нежная. Она пытается оттолкнуть, но движения становятся слабее.

— Слава... — почти плачет она. — Пожалуйста, не надо всё портить.

— Мы ничего не испортим, Верка, — шепчу я, одной рукой скидывая с неё шубу. Другой рукой перехватываю затылок, сжимая в кулаке тяжёлый шёлк волос. — Мы только сделаем наши рабочие отношения... ярче.

- Мы же договорились, в тот первый день, договорись!

Медленно, почти мучительно медленно притягиваю её ближе. Губы наши встречаются. Сначала осторожно, потом яростно. Она издаёт рыдающий стон и отвечает — сама, жадно, языком лаская мой. На вкус — как спелая вишня, как чёртов рай. Время замедляется. Я чувствую каждый её вздох, каждое дрожание ресниц, каждое движение её тела, прижимающегося ко мне в тесном салоне машины. И понимаю: назад дороги уже нет.

Добро пожаловать в новую историю. Она будет публиковаться в процессе написания. Ваша поддержка и комментарии очень важны для меня!

Глава 1.

За несколько месяцев до пролога

Вера

Я вышла из серого, обшарпанного бизнес-центра на окраине, где штукатурка ещё с советских времён висела клочьями. Сентябрьский ветер, привычно холодный и злой, сразу залез под тонкое серое пальто, которое я шила себе ещё на третьем курсе.

В груди кипело. Девятый отказ за две недели. Девятый...

Диплом с отличием, английский, который я зубрила ночами под одну лампочку в общежитии, две стажировки в облезлых конторах... А для них я всё равно «девочка».

Если срочно что-то не сделать, то вся наша семья останется без квартиры.

Осталась последняя попытка на этой неделе, иначе придется... Даже думать не хочу, что тогда придется.

За массивным столом, покрытым потёртым зелёным сукном, развалился Буркин — огромный, потный дядька лет пятидесяти. Рубашка на животе разъехалась, пуговицы держались из последних сил. Капли пота блестели у него на лбу и стекали по вискам на воротник. Он то и дело косился на свою секретаршу-блондинку: ярко-алые губы, короткая кожаная юбка, блузка с таким вырезом, что при каждом наклоне всё едва не вываливалось наружу. Когда она наклонялась, наливая ему кофе, Буркин облизывал губы, как голодный пёс у миски.

Я села ровно, спина прямая, папка крепко прижата к коленям. Сердце стучало, но я уже привыкла к этому стуку перед каждым собеседованием.

Дыши. Ты знаешь, что говоришь. Просто говори.

Я глубоко вдохнула этот тяжёлый воздух и начала.

— Господин Буркин, — поправила я быстро, — я внимательно изучила вашу компанию. «БурКапитал» сейчас владеет несколькими участками железной дороги, подвижным составом и складами при станциях. Это огромный потенциал. Сейчас грузы идут медленно, вагоны простаивают по трое суток, ремонт путей делается кое-как, через раз. Я вижу, как можно это изменить. Во-первых, привлечь иностранных партнёров — например, из Германии или Польши, где уже используют современные логистические схемы. Во-вторых, оптимизировать маршруты: сократить простои, ввести хотя бы бумажный электронный учёт вагонов, наладить график ремонта. В-третьих, создать свою небольшую экспедиторскую службу, чтобы не отдавать прибыль всяким посредникам. За год можно увеличить грузооборот на тридцать-сорок процентов, а прибыль — минимум в два раза. Я готова сразу взяться за анализ ваших текущих контрактов и...

Буркин слушал первые секунды, потом его толстое, потное лицо скривилось.

Он тяжело крякнул, упёрся ладонями в стол и медленно поднялся. Кресло под ним жалобно заскрипело. Не говоря ни слова, он обошёл стол, тяжёлые шаги гулко отдавались по старому паркету. Остановился прямо рядом со мной. Нагнулся. Очень близко.

От него резко пахло кислым мужским потом, вчерашним перегаром и дешёвым одеколоном «Тройной».

Запах ударил в нос так сильно, что у меня невольно скрутило желудок. Я инстинктивно вжалась в спинку стула, но бежать было некуда.

— Не женское это дело — бизнесом заниматься, — проговорил он низко, почти в самое ухо, и горячее, влажное дыхание обожгло мне щёку. — Хочешь работу — иди в отдел кадров. Там как раз старый секретарь на декрет ушла. Тебе дадут место. Но прежде тебе надо подкраситься, девочка. Волосы распустить, губки накрасить... юбочку покороче надеть. Чтобы мне понравилось...

Его толстая, потная ладонь потянулась к моей ноге, пальцы уже почти коснулись колена сквозь тонкую ткань колготок.

Всё внутри меня взорвалось от отвращения. Я резко вскочила. Тяжёлый деревянный стул с грохотом опрокинулся назад, ударившись об пол.

— Извините, — выдохнула я, голос дрожал, но я старалась держать его ровным, — мне такое не подходит.

Буркин выпрямился, лицо его налилось багровой злостью. Глаза сузились.

— Ну и вали тогда, страхолюдина! — рывкнул он так, что брызги слюны полетели мне в лицо. — Таких, как ты, здесь не нужно!

Щёки горели, будто их обдали кипятком. Я схватила папку, развернулась и быстро вышла из кабинета, чувствуя, как ноги предательски подкашиваются.

В приёмной секретарша ехидно улыбнулась, поправляя грудь в вырезе, и окинула меня презрительным взглядом сверху вниз.

И в этот момент дверь с оглушительным грохотом сорвалась с петель.

Ворвались люди в чёрных масках, с автоматами Калашникова наперевес. Громкие маты, лязг металла, крики.

Секретарша завизжала так, что у меня заложило уши, и рухнула на грязный линолеум. Я инстинктивно прижалась спиной к холодной стене, чувствуя, как шершавая краска царапает лопатки даже через пиджак.

Сильно зажмурилась.

Вот и всё. Я читала про такое в новостях. Видела в сериалах. Но никогда не думала, что это случится со мной.

Сердце колотилось так яростно, будто хотело вырваться из груди. Ноги стали ватными, страх разлился по венам ледяной волной.

Кто-то сбоку рыкнул грубым голосом:

— Кофе и коньяк в кабинет. Быстро, суки!

Я резко распахнула глаза. Кажется, я всё ещё жива. И даже не истекаю кровью. И, похоже, никого не собираются убивать прямо сейчас. Просто отжимают компанию. А значит, скоро в кресло директора может сесть кто-то другой. Возможно, более разумный и не такой похотливый.

Блондинка только хныкала, вжавшись в пол, даже не пытаясь подняться.

Это может быть мой единственный шанс остаться здесь не с кофе и улыбками, а по-настоящему.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как дрожат колени, и заставила себя сделать первый шаг. В крошечной кухоньке руки почти не слушались: старенькая кофе-машина гудела и плевалась, бутылка дешёвого коньяка звякнула о поднос. Поднос дрожал в моих руках, пока я неслась его обратно. Каждый шаг отдавался в ушах гулким эхом.

Буркин сидел мокрый как мышь, подписывал бумаги дрожащей рукой под дулом автомата.

Но всё моё внимание приковал мужчина, который сидел на краю стола. Я на секунду даже перестала дышать.

Высокий, широкоплечий, в ярко-малиновом пиджаке — таком вызывающем, какие носили только «новые русские». Чёрная рубашка расстёгнута на две пуговицы, толстая золотая цепь тяжело блестела на широкой мускулистой груди.

Спокойно, Вера. Это просто бандит. Бандит, который вместо того чтобы зарабатывать, отбирает. И нечего на него пялиться.

Но я всё равно пялилась, пока неслась этот чёртов поднос.

Коротко стриженные тёмные волосы, жёсткий подбородок, опасный прищур тёмных глаз. От него веяло такой спокойной, животной силой.

Его взгляд медленно, нагло скользнул по мне. Прошёлся снизу вверх — от простых чёрных туфель до строгой юбки и пиджака, до аккуратного пучка на затылке. Я гордилась тем, как выгляжу: стильно, закрыто, профессионально. Но сейчас было ощущение, будто с меня сняли всю одежду, оставив только кожу. Горящую, как под южным солнцем.

— Скромно одета твоя секретарша, Буркин, — протянул он лениво, с хищной усмешкой. — Неужели не палишь её?

— Это не моя секретарша, — Буркин вытер лоб рукавом. — На работу пришла устраиваться. Коммерческим директором. Дура.

— Сам такой, — буркнула я себе под нос, и мужчины в масках насмешливо засвистели.

Я поставила поднос. Сердце колотилось где-то в горле, но я быстро пробежала глазами документы, которые он только что подписал. Всё стало ясно за пару секунд.

— Через год-два, после выборов, когда суды начнут работать по-новому, он сможет оспорить этот документ в Верховном суде, — сказала я неожиданно твёрдо. — Найдёт свидетелей, что подписывал под давлением. И все ваши старания окажутся зря.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Все уставились на меня.

— Заткнись! — заорал Буркин.

Один из масок грубо пихнул его обратно в кресло.

Малиновый пиджак медленно слез со стола и подошёл ко мне вплотную. От него пахло хорошим табаком, дорогим одеколоном и чем-то мужским, опасным. Он сел на край стола прямо передо мной, тёмные глаза смотрели пристально, почти прожигая насквозь.

— С чего это ты взяла?

— Слав, да чего ты её слушаешь, у нас все четко будет.

— Заткнись. Говори давай.

— Потому что это типичная ошибка, — ответила я чуть тише, но всё так же твёрдо. — Документ составлен наспех, без нотариуса, без свидетелей. В любой нормальной инстанции его разорвут. А Буркин не дурак. Он потом просто заявит, что его заставили. И найдёт тех, кто это подтвердит. У нас сейчас так все рейдерские захваты и отбивают.

— Понял, — коротко бросил он и достал пистолет.

Я сглотнула. Но он оттолкнул меня в сторону и направил ствол на Буркина. Тот закрылся руками и замотал головой.

Если он его убьёт прямо здесь, я стану свидетелем. И тоже умру. Рано или поздно.

Я резко шагнула вперёд, встав между ними.

— Тоже умереть решила? — тихо спросил Малиновый пиджак.

— Это... можно решить иначе.

— Ты вот слушай её, она умная, — хмыкнул он, глядя на Буркина.

— Да уж поумнее тебя. Как иначе? Ты чего мне мозг паришь? Отойди.

— Нужен свидетель из компании, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он подтвердит всё, и Буркин никогда не вернёт свою компанию законным путём.

Он медленно провёл холодным стволом по моей шее. Металл обжёг кожу. Зацепил воротник блузки, пытаюсь заглянуть внутрь. Но всё было застёгнуто наглухо. Кожа горела, по телу пробежали мурашки — смесь страха и странного, неприличного тепла.

— Ты прям синий чулок, — усмехнулся он низко, хрипловато. — Ладно. Приведите главного бухгалтера. Можешь идти. Проследите, чтобы девчонку выпустили.

Стоп. Как? И всё?

— Мне нужна работа.

— Найдёшь ещё. Иди, сказал.

— Я бы хотела обсудить вознаграждение за свою помощь.

В кабинете стало очень тихо. Даже слышался стук секундной стрелки на старых часах.

Вся весёлость Малинового пиджака куда-то исчезла. Он резко схватил меня за лацканы пиджака и рывком притянул к себе. Горячее дыхание обожгло щеку, глаза оказались совсем близко — тёмные, опасные, с искрой интереса и чего-то ещё, от чего у меня пересохло во рту.

— Я сохранил тебе жизнь. Разве жизнь — не самое ценное вознаграждение?

Оттолкнул. Я едва удержалась на ногах, сердце колотилось где-то в горле, щеки пылали.

— Пошла вон отсюда.

Я вышла, чувствуя, как дрожат колени и горит кожа в том месте, где прошёлся ствол.

Глава 2.

Сентябрьский ветер швырял в лицо пригоршни ледяной крошки. Я шла к метро, наглухо застегнув воротник старого серого пальто, но холод всё равно пробирался под ткань, оседая внутри тяжёлым, липким страхом. Перед глазами до сих пор стоял этот «новый русский» в малиновом пиджаке. Слава. Опасный, наглый, пахнувший дорогим табаком и силой. И его пистолет, скользнувший по моей шее.

Дома меня ждали.

Едва я переступила порог нашей тесной, пропахшей лекарствами прихожей, из кухни показалась мама, вытирая руки о фартук. Из комнаты медленно, тяжело опираясь на трость, вышел отец. В их глазах застыла одна и та же немая надежда.

Я просто покачала heads, опуская взгляд. Десятый отказ.

Отец тяжело вздохнул, и этот звук показался мне физическим ударом. Сзади подошёл Кирилл. Брат крепко обнял меня за плечи, прижимая к себе, и тихо шепнул на ухо: — Всё будет хорошо, Верка. Прорвёмся.

— Ничего не будет хорошо, — глухо произнёс отец, поворачивая обратно в комнату. Трость тоскливо стучала по старым половицам. — Хватит себя обманывать. Надо возвращаться в Якутск.

— Пап, ну куда возвращаться? — я пошла за ним, на ходу скидывая пальто. — Где жить? Нашей квартиры там больше нет. А эту, если в ближайшее время не внести платёж, банк заберёт за долги. Нас просто вышвырнут на улицу.

— Поживём у родственников первое время, — упрямо бросил отец, садясь в кресло. — Я вернусь на карьер. Руки-то помнят.

— Ты еле ходишь! — в один голос воскликнули мы с мамой. Я опустилась на корзину для белья прямо перед ним. — Папа, если сейчас прервать терапию, ты вообще встать не сможешь. Профессор сказал, что нужен регулярный курс.

— Зато там ты точно найдёшь работу по специальности, — не сдавался он, хотя в глазах читалась горькая безысходность.

— Там моя специальность стоит копейки, пап! Вся страна выживает, а в Якутске на приисках сейчас вообще разруха. Здесь, совсем другой мир, другие деньги. Мне просто нужно ещё немного времени.

Отец резко поднял на меня сухой, воспалённый взгляд: — Время? Сначала: «Дай мне время, я отучусь». Потом: «Дай мне время, я найду работу». Дай время, дай время... Тебе двадцать два года, Вера! Ты всю свою молодость положила на нас с матерью. Ни друзей, ни жизни, только учеба и работа. На моё лечение, на долги. Когда ты жить-то для себя начнёшь?

— Я и живу для себя, — тихо, но твёрдо ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Просто сейчас «я» — это моя семья. Нельзя сдаваться, слышишь? У меня есть ещё несколько вариантов. Вернуться в Якутск мы всегда успеем. Да и чтобы туда добраться, как минимум бензин нужен, а это тоже деньги.

— После продажи квартиры как раз останется на билеты... — проворчал он, отворачиваясь к окну.

— Пап... — выдохнула я, чувствуя, как подступают слёзы.

Из кухни робко заглянула мама, пытаясь разрядить обстановку: — Верочка, ты голодная? Я голубцов наделала. Горяченькие.

— Отлично, мам. Очень голодная, — я заставила себя улыбнуться.

Отец молча придвинул к себе журнальный столик, на котором стояла старая деревянная шахматная доска. Мы играли в эту партию уже недели две, делая по одному-два хода в день.

Он долго думал, хмуря густые брови, а затем размашисто вывел коня вперёд. Я села напротив, передвинула пешку и, стараясь говорить как можно спокойнее, произнесла:

— Сегодня был налёт на компанию, в которой у меня проходило собеседование.

Отец резко вскинул голову. Шахматная фигура замерла в его руке. — Что? Ты... они тебя тронули? С тобой всё в порядке?

— Нет, меня не тронули. Всё нормально. Просто... «БурКапитал» теперь отжали. Полностью.

Отец пренебрежительно фыркнул, возвращаясь к доске: — Да вернут они его обратно через суд. Наверняка эти отморозки всё грубо сделали, середь бела дня.

— Не вернут, — тихо сказала я. — Я им помогла.

— В смысле? — отец замер, его лицо начало стремительно багроветь. — Кому помогла? Бандитам?!

— Пап, послушай меня, — я подалась вперёд. — Я подумала: если меня не берут в приличные, чистые конторы из-за возраста и отсутствия блата, то почему бы не пойти в неприличную? Им плевать на трудовую книжку и стаж. Им нужна эффективность. Результат здесь и сейчас.

— Ты с ума сошла! — прохрипел отец, бахнув кулаком по столу, отчего шахматы жалобно звякнули. — Ты хоть понимаешь, чем это грозит? Это криминал, Вера! Тюрьма или пуля в живот!

— Сейчас такое время, что опасность может караулить за любым углом, — упрямо качнула я головой. — Но среди них, если закрепиться и стать незаменимой, можно оказаться в гораздо большей безопасности, чем обычный инженер или честный бухгалтер. Зато тогда нам не придётся уезжать. Тогда ты закончишь лечение и окончательно встанешь на ноги.

— Я не могу это одобрить, Вера. Это глупость и чистой воды самоубийство.

— Глупо — даже не попробовать, когда на кону наша жизнь. Я уже показала им, на что способна. Они оценили.

Отец тяжело дышал, разглядывая меня так, словно видел впервые. — С кем именно ты общалась? Имя?

— Какой-то Слава. Он...

Хотела сказать, красивый как сам грех, но прикусила язык.

— А фамилия?

— Не знаю. Его все зовут просто Слава. Он... ну, типичный «новый русский». У его парней все машины — одинаковые чёрные «Волги».

— «Волги», говоришь... — отец прищурился, в его глазах мелькнула какая-то догадка. Он резко поднялся, опираясь на трость. — Я сейчас позвоню кое-кому из наших, якутских, кто в Питере поднялся. Узнаю, что это за деятель.

Пока отец ушёл в коридор к дисковому телефону, я перебралась на кухню. Мама молча положила мне в тарелку два голубца, Кирилл сел рядом, хмуро ковыряя вилкой в столешнице.

— Владимир! Кому ты там названиваешь?! — тревожно крикнула мама в коридор.

— Сейчас, Люда, подожди! — рявкнул в ответ отец и плотно прикрыл за собой дверь прихожей.

Мама поджала губы, её плечи поникли. Она села напротив меня, внимательно разглядывая мой строгий серый пиджак и гладко зачёсанные в пучок волосы. — Верочка... а ты не думала, что, может, стоит одеться как-то... иначе? Поярче? Ну, как сейчас молодые девушки ходят?

— Мам, если я оденусь как они, меня и оценивать будут по внешности. А у меня цель совершенно другая, — отрезала я, принимаясь за еду.

— Ну ладно, ладно... Ешь давай, похудела-то как, одни глаза остались. — Мама вздохнула и подперла щеку рукой. — Мне тут Римма Малинкина звонила. Дочка её, Маринка, замуж выходит. Нашла какого-то коммерсанта, палатками на рынке владеет. Уже беременная вроде...

Я невесело усмехнулась:

— Рада за неё. Но ты правда думаешь, мам, что для меня лучший выход — выскочить замуж за первого встречного палаточника?

— Да нет, что ты, я просто так... к слову, — смутилась мама.

Дверь коридора хлопнула, и на кухню вошёл отец. Лицо его было серым. Не садясь, он подошёл к серванту, достал бутылку водки, плеснул себе полрюмки и залпом выпил, даже не поморщившись.

— Тупой этот твой Слава, — тяжело произнёс отец, садясь за стол. — Гребёт под себя много, но и теряет столько же. Агрессии через край, ума бог не дал. Все бабки спускает на покупку ночных клубов и свою бабу — певичку какую-то местную.

— Так это же идеально, пап! — у меня даже глаза загорелись. — Значит, ему позарез нужна верная, умная правая рука. Тот, кто умеет считать деньги и направит его дикую энергию в правильное, законное русло.

— Владимир, да о чём вы вообще говорите?! — всплеснула руками мама, переводя испуганный взгляд с отца на меня.

— погоди, Люда, — отец выставил ладонь, призывая её к тишине. — Вера, это закончится плохо. Тебя в асфальт закатают вместе с этим твоим Славой при первой же разборке.

— Папа, у нас со дня на день отберут жильё. Мы вернёмся в Якутск, где нас уже никто не ждёт и воспринимают как чужаков. Ты останешься инвалидом. Что может быть хуже этого?

Отец резко подался вперёд, его голос сорвался на глухой, яростный крик: — Да хотя бы тот факт, что тебя эти бандиты прямо в кабинете изнасилуют!

На кухне повисла звенящая тишина. Мама ахнула, закрыв рот ладонью. Кирилл сжал кулаки.

— Ну... по крайней мере, не убьют, — попыталась я пошутить, хотя внутри всё сжалось от ужаса.

— Не смешно, Вера! — гаркнул отец.

— Пап, думаешь, у таких, как он, дефицит женщин? Да у него этих певичек и секретарш вагон. К тому же у них там тоже свой кодекс есть. Деловых людей, которые приносят прибыль, они не трогают.

Отец долго молчал, тяжело раздувая ноздри. Потом решительно хлопнул ладонью по столу: — Я с тобой пойду. Буду ждать в машине. И даже не вздумай спорить.

Я удивлённо моргнула, но спорить действительно не стала. С отцом мне будет намного спокойнее.

— Ладно. Так даже лучше. Тогда поехали.

— Сейчас?! — вытаращила глаза мама.

— Да, чего тянуть? Пап, ты знаешь, в каком клубе поёт эта его певичка? Твой знакомый сказал?

— Знаю, — отец тяжело поднялся, опираясь на трость. — Клуб «Белые розы». На лиговском где-то. Поехали.

Я так разволновалась, что не смогла больше прикоснуться к голубцам. Внутри всё дрожало от безумного, дикого коктейля из страха и азарта.

— Вера, Владимир, стойте! Господи, куда вы?! — причитала мама, выбегая за нами в прихожую. Кирилл злился, дёргал отца за рукав, требуя, чтобы его взяли с собой, но отец только прикрикнул на него: «Сиди дома с матерью! Если что — мы позвоним».

Через десять минут мы уже спускались к нашей старенькой, побитой «шестёрке». Мотор чихнул, завыл и, неохотно прогревшись, повёз нас сквозь тёмные, ошетилившиеся неоновыми

вывесками Питера — прямиком к «Белым розам». К человеку, который должен был либо спасти мою семью, либо окончательно погубить меня.

Глава 3.

Старенькая «шестёрка» отца, кашляя выхлопными газами, приткнулась во дворе-колодце неподалёку от Лиговского.

— Я жду здесь, Вера. Час. Если не выйдешь — я иду внутрь, и плевать мне на мою ногу, — отец поправил трость и тяжело посмотрел на меня.

— Всё будет хорошо, пап. Главное — не глуши мотор, чтобы не заглохла.

Я вышла из машины. Поправила старое серое пальто, глубоко вдохнула сырой питерский воздух.

Неоновая вывеска «Белые розы» пульсировала ядовито-розовым светом, отражаясь в лужах и свежей ледяной крошке.

Я уверенно зашагала к чёрному ходу клуба. К главному входу в таком виде меня бы даже не подпустили.

У железной двери курили двое крепких парней в кожаных куртках.

— Эй, малая, тебе куда? Здесь служебный вход, — лениво прикрикнул один.

— Я новенькая уборщица, — я сделала самое простое и испуганное лицо, на которое только была способна.

— Администратор сказал подойти к десяти, показать, где инвентарь. Парни окинули взглядом мой тугой пучок на затылке, отсутствие макияжа и глухо застёгнутый воротник.

— Ладно, шуруй. Там внутри по коридору и направо. Тоже мне, нашли время для стажировки...

Дверь захлопнулась за моей спиной. Изнутри клуб оглушал: басы пробивали стены, пахло табачным дымом, дешёвыми духами и алкоголем.

Я аккуратно шла по коридорам, минуя суетящихся официанток и пьяных гостей, пока не оказалась у двери в подсобку. Там я нашла форму уборщицы и крепко затянула на талии. Взяла инвентарь и опустив глаза начала искать Вячеслава Вольского. Мне пришлось обойти весь клуб, заглянуть в приват зоны и ужаснуться, прежде чем я нашла VIP-зону, где обитал малиновый пиджак.

Я поднялась и замерла в тени колонны, стараясь не привлекать внимания. Долго смотрела на то, что происходило на центральном диване ложи.

Там, развалившись, сидел он. Слава.

Всё в том же вызывающем малиновом пиджаке, только на этот раз на нём не было чёрной рубашки — лишь мощный, мускулистый торс, украшенный россыпью татуировок и тяжёлой золотой цепью.

— Позёр, — пробурчала я, крепко удерживая швабру и пытаюсь унять предательскую дрожь в пальцах.

На бёдрах бандита, бесстыдно изгибаясь, устроилась девица в ультракоротком леопардовом платье. Она активно двигалась, лаская его шею, то и дело впиваясь в его губы жадными поцелуями. Слава лениво ухмылялся, принимая это как должное, а затем с оттяжкой шлёпнул её по задку, задрал платье так, что стало видно её блестящие ниточки, которые совершенно ничего не скрывали.

Но на этом девица не остановилась. На глазах у всей ложи она лениво сползла с его бёдер, опускаясь прямо перед ним на колени.

Её тонкие пальцы с ярким маникюром уверенно легли на пряжку его ремня. Раздался негромкий, но отчётливый в моей голове звук расстёгивающейся ширинки. Слава откинул голову на спинку дивана, запуская пальцы в её волосы, пока она бесстыдно и умело освобождала его внушительное, уже напряжённое мужское достоинство.

В VIP-зоне начиналась откровенная, пошлая грязь. Мне нужно было немедленно отвернуться. Уйти. Сбежать. Но я словно приросла к полу, не в силах оторвать взгляд от этой сцены.

Внутри меня, глубоко внизу живота, вдруг искрами отозвалось странное, пугающее тепло. Оно медленной, густой волной разлилось между ног, заставляя дыхание перехватить. По коже, несмотря на душный воздух клуба, побежали колючие, горячие мурашки. Я никогда в жизни не видела ничего подобного так близко.

Эта первобытная, дикая похоть, исходившая от Славы, пугала, но одновременно привлекала к месту, заставляя сердце стучать где-то в горле. Взгляд помимо воли фиксировал каждое движение девицы, тяжёлое дыхание мужчины и то, как перекачивались мышцы на его обнажённой груди.

Я настолько потеряла связь с реальностью, что даже не услышала тяжёлых шагов сзади.

— Эй! Ты чё тут застыла, овца? — грубый окрик разрушил морок.

Сильный толчок в спину заставил меня споткнуться. Швабра с грохотом полетела на пол. Чья-то огромная ладонь мёртвой хваткой вцепилась в моё плечо и буквально швырнула меня вперёд, прямо на свет, в самый центр VIP-ложи.

— Слав, глянь, тут уборщица новая подглядывала! Нашла себе VIP-зону, где малиновый пиджак обитает, и zenки вылупила! — хохотнул один из амбалов, перекрывая музыку.

Девица у ног Славы испуганно отпрянула, прикрывая лицо локонями, а сам Слава медленно открыл глаза. Его взгляд, ещё затуманенный недавним удовольствием, сфокусировался на мне.

И в этот момент через весь зал наши глаза встретились.

— А это не уборщица, верно, как там тебя.

— Меня Вера Владимировна зовут, — поднимаюсь, но меня толкают обратно.

— Вставать не разрешали.

Спокойно, спокгойно, этого стоило ожидать.

— Шпионишь, Владимировна?

Его потемневший, тяжёлый взгляд, ещё затуманенный недавним удовольствием, сфокусировался на мне. И в этот момент через весь зал наши глаза встретились.

— Я не подглядывала, — выдохнула я, сиюсь скрыть дрожь в голосе и упрямо вскидывая подбородок. — Нет. Я пришла устраиваться на работу. Искала вас.

— Брехня, шеф, — пробасил амбал, удерживающий меня. — Отдайте её нам, мы быстро выбьем из неё правду.

В затылок мгновенно упёрлось что-то круглое, холодное и тяжёлое. Ствол пистолета. Сердце испуганной птицей забилося в рёбра, во рту моментально пересохло. Я сглотнула вязкую слюну, но заставила себя не отводить взгляда от Славы.

Он медленно поднялся с дивана, неторопливо застегнул ширинку и стал двигаться в мою сторону. Без рубашки, в одном малиновом пиджаке на голое тело, он казался огромным, первобытным хищником.

Рисунки татуировок на его мускулистой груди зловеще перекачивались при каждом движении, а золотая цепь тускло поблёскивала. И чем ближе он подходил, тем сильнее меня охватывал парализующий, липкий страх.

Там, в кабинете «БурКапитала», он выглядел куда более цивилизованным. Сейчас же передо мной стоял вожак стаи, во воле которого ломались чужие жизни. Казалось, ему ничего не стоит раздавить меня этими огромными ручищами.

— Убери пистолет, Груз, — лениво бросил Слава, не сводя с меня глаз. — Мы же цивилизованные люди.

Вокруг на диванах сидели люди, бесконечно далёкие от цивилизации. Они были уже пьяны, их глаза блестели сытым, сальным блеском. Они жаждали зрелища, дешёвого и жестокого шоу со случайно попавшей сюда девчонкой. То есть со мной.

В этот момент я с ужасающей отчётливостью поняла: отец был абсолютно прав. Я совершила самую большую, непоправимую ошибку в своей жизни, когда добровольно пришла в это логово.

— Девушка пришла искать работу... — Слава остановился в шаге от меня. От него пахло алкоголем, горячей кожей и опасностью. — Смотри, сколько тут мужиков. Работы у тебя здесь на всю ночь хватит, заучка.

Он резко, без предупреждения, намотал мой тугой пучок на свой огромный кулак и рванул вверх, заставляя запрокинуть голову. Корни волос обожгло дикой болью. Животный страх мгновенно заполнил лёгкие, не давая вздохнуть, из глаз едва не брызнули слёзы. Но внутри меня, вопреки ужасу, проснулась бешеная, отчаянная гордость якутских предков.

Я посмотрела в его безжалостное лицо и, преодолевая боль, заговорила — громко, чётко, чтобы слышала вся ложа:

— Послушайте, потрахаться вы можете с кем угодно. Уверена, найдётся множество девиц, которые примут за счастье сделать минет всем вашим знакомым. Но тогда вы потеряете меня как специалиста, как верного союзника, и найдёте в моём лице смертельного врага.

По VIP-зоне пронёсся удивлённый гул. Слава на секунду замер, его ноздри хищно раздулись.

— Охренеть... Ты угрожаешь мне? — его голос упал до опасного шёпота.

— Попробуйте принудить меня, — хрипела я, цепляясь пальцами за его запястье, чтобы хоть немного ослабить натяжение волос. — И я найду вашего самого худшего, самого опасного врага. Я стану его правой рукой, отдам ему все свои мозги и найду способ вас уничтожить. Потому что ничего не стоит уничтожить человека, который неспособен мыслить головой, а мыслит только своим членом!

На секунду в ложе воцарилась гробовая тишина. Парни за столом даже дышать перестали.

Взгляд Славы стал абсолютно чёрным, бешеным. Челюсть свело судорогой, губы сжались в тонкую линию. Он не произнёс ни слова. Вместо этого он крепче перехватил мои волосы и просто поволок меня за собой по полу через весь зал.

Я закричала от резкой, разрывающей боли в голове. Казалось, ещё мгновение, и он просто снимет с меня скальп. Руками я пыталась удержать его кулак, ноги беспомощно волочились по ковровину. Тонкие капроновые колготки с треском лопнули на коленях, жёсткий ворс безжалостно сдирал кожу в кровь.

Слава пинком распахнул дверь какого-то кабинета, швырнул меня на ковёр и с грохотом запер замок.

Я не успела даже подняться на локтях. Секунда — и прямо перед моим лицом оказался тяжёлый, воронёный ствол пистолета. Слава присел передо мной на корточки, грубо уперев холодный металл мне в щеку.

— У тебя пять минут, — процедил он, тяжело дыша, и в его глазах плясали черти. — Пять минут, чтобы убедить меня, что ты достойна не просто работать на меня, а жить.

Такого собеседования у меня ещё не было. Я до боли сжала кулаки, заставляя себя не плакать от унижения, страха и жжения в разодранных коленях. Нельзя показывать слабость. Я сама сюда пришла. Сама знала, с какими зверями связываюсь.

Я заставила себя выровнять дыхание и заговорила тихо, размеренно — так говорят с бешеным животным, которое готово в любой момент прыгнуть и перегрызть горло:

— Мир меняется, Вячеслав. Девяностые заканчиваются, и рано или поздно этому беспределу придёт конец. Те, кто задумаются об этом сейчас, останутся наверху. А те, кто продолжит беспредел дальше — сгниют в тюрьме. И тут вопрос к вам. Кем вы видите себя через пять-десять лет? Зэком, который вышел на свободу никем, или легальным авторитетом, с которым будут считаться крупные дипломаты и политики?

Я сделала короткий вдох, чувствуя, как ствол пистолета слегка вдавливается в мою кожу.

— Я помогу вам обрести настоящую, неприкосновенную власть. Деньги для вас будут лишь приятным бонусом. Задумайтесь: любой мужик рядом с вами рано или поздно захочет занять ваше место и заберёт вашу власть. Мне ваша власть не нужна. Я буду хотеть только стабильной зарплаты и личной безопасности.

Я высказала всё на одном дыхании и замерла, глядя прямо в чёрные колодцы его глаз, ожидая окончательного вердикта.

ГЛАВА 4.

Вячеслав долго молчал, не убирая воронёного ствола от моей щеки. В тишине кабинета было слышно только его тяжёлое, прерывистое дыхание и глухие удары басов, пробивающиеся сквозь толстые стены из зала клуба. Чёрные колодцы его глаз, казалось, заглядывали в самую душу, взвешивая каждое моё слово.

Наконец, он медленно опустил пистолет. Но легче не стало. Бандит лениво поднялся, подошёл к бару, звеня хрусталём, налил себе виски и залпом выпил. Прикурил сигарету, грубо затащился и только после этого снова повернулся ко мне, выпуская едкий дым сквозь зубы.

— А ты настырная, Владимировна, — процедил он, цинично осматривая меня сверху вниз.

— Мне нужна работа.

— Я вообще не люблю работать с женщинами, — лениво протянул он, стряхивая пепел прямо на дорогой ковёр. — От вас вечно одни проблемы. Возникают какие-то чувства, инстинкты лишние... Мозги только парите.

— У вас же есть девушка, — я выразительно кивнула в сторону запертой двери, намекая на леопардовую девицу, которая ещё десять минут назад ласкала его на глазах у всей VIP-ложи.

— Сегодня есть, завтра нет, — равнодушно отмахнулся бандит, даже не поведя бровью. — А плотная работа требует постоянного личного контакта. Кстати... — на его губах заиграла грязная, провокационная ухмылка, — мы можем перевести наше собеседование в более плоскую поверхность. Что скажешь?

Он откровенно проверял меня на прочность, ожидая, что я либо расплачусь от унижения, либо сбегу. Но я лишь упрямо вскинула подбородок.

— Ну хорошо, давайте раскинем мозгами. Даже если возникнет влечение. Ну, мы с вами переспим. Возможно, нам это даже понравится. Но что дальше?

Я сделала короткую паузу, удерживая его потемневший взгляд.

— Дальше вы просто потеряете очередную девушку, когда она вам наскучит. А я потеряю перспективного клиента. Клиента, который поможет мне когда-нибудь стать специалистом по связям с общественностью при президенте Российской Федерации.

Вячеслав застыл с сигаретой у губ. В его глазах промелькнуло искреннее удивление, которое тут же сменилось хриплым, раскатистым хохотом.

— Охренеть... Я смотрю, у тебя большая амбиция, заучка.

— Это есть, — жёстко подтвердила я. — На отсутствие амбиций не жалуюсь.

Он резко оборвал смех, затушил окурок в хрустальной пепельнице и угрожающе подался вперёд, нависая надо мной:

— Хорошо. Допустим, я тебя взял. И что мы будем делать?

— Мы не будем трахаться, Вячеслав, несмотря на то, что там сейчас активно крутится в вашей голове, — отрезала я, чеканя каждое слово. — Мы будем работать. А именно — легализовать весь ваш незаконный бизнес. Мы поднимем документы и найдём абсолютно все компании, которые вы когда-то отжали... Создадим вам новый образ. Не бандита, а авторитетного бизнесмена.

— Смотрю, ты не любишь выбирать слова, Владимировна, — перебил он, и в его голосе опасно звякнула сталь.

— С вами проще говорить на вашем языке, — я даже не дрогнула. — И я надеюсь этот ваш язык изменить в будущем. Если вы, конечно, хотите, чтобы у вас ничего не отобрали уже законные власти. А это случится, поверьте мне. Рано или поздно беспределу придёт конец.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри закипает бешеная, отчаянная гордость моих якутских предков.

— Если я тебя найму, ты станешь частью моей банды, — Вячеслав резко поднялся со стола, подошёл вплотную и мёртвой хваткой вцепился в лацканы моего платья уборщицы, вынуждая подняться. — Пусть даже легализованной банды. А это значит... Посмотри на меня! Смотри в глаза, кому сказал!

Его горячее дыхание, пахнущее алкоголем и дорогим табаком, обожгло мне кожу.

— Если ты однажды меня предашь, сдашь, уйдёшь к другому легализовать его бизнес без моего ведома, поставишь прослушку или крикнешь, когда я скажу «молчать»... То ты потеряешься, Вера. По-настоящему потеряешься. Поняла меня?

Сердце испуганной птицей забилося в рёбра, но я переборола липкий страх. Заставила свои губы разомкнуться:

— Хорошо. Я поняла. Но в таком случае я могу сразу вносить некоторые рекомендации по поводу более жёстких методов управления вашей бандой?

Вячеслав удивлённо приподнял густые брови, но пальцы на моём пальто слегка разжал.

— И какие же? Ты, конечно, сейчас скажешь, что людей больше лучше не убивать?

— Наверное, в какой-то период времени, пока мы легализуемся, насилие применять всё же придётся, — тихо, но твёрдо ответила я, глядя прямо в его чёрные, бешеные глаза. — Я не дура и понимаю, где нахожусь. Но надо это насилие минимизировать. А самое главное — чтобы вы сами, Вячеслав, к нему больше не имели никакого личного отношения. С этого дня ваши руки должны быть чистыми.

Вячеслав медленно отпустил мою одежду. На его жёстком лице впервые за весь вечер появилась не наглая ухмылка, а глубокое, озадаченное выражение. Он словно заново переоценивал стоящую перед ним девчонку в порванных колготках.

В этот самый момент тяжелая дубовая дверь кабинета с грохотом распахнулась. На пороге выросли двое взмыленных охранников, на ходу вытягивая оружие.

— Слава, там... — запыхавшись, начал было Груз.

— Вон отсюда! — рявкнул Вячеслав так, что зазвенели бокалы на баре. Его лицо мгновенно исказилось от ярости. — Я кого-то звал?! Я сказал, не мешать мне, блядь!

— Шеф, там псих на улице! — перебил второй охранник, вытирая пот со лба. — Припёрся со двора, с ружьем наперевес! Требуется какую-то дочь, орет, что разнесет тут всё к чертям, если мы её не выпустим!

Глава 5.

Меня сковал ледяной, парализующий ужас. Отец . Прошел ровно час. Он не выдержал. Он пришел за мной, хромой, с тростью... и со своим старым охотничьим ружьем.

Слава медленно перевел взгляд с застывших охранников на меня.

Бешеная злость в его глазах вдруг сменилась опасной, понимающей усмешкой. Он чуть наклонил голову набок, разглядывая моё побелевшее лицо.

— Ты привела отца, Владимировна? — тихо, с издевкой спросил он.

— Он... он просто подвез меня, — выдохнула я, силясь удержать остатки самообладания, хотя зубы уже готовы были застучать от страха за папу. — Если мы с вами закончили, я пойду.

— Пойдем, — коротко бросил Слава и резко развернулся к двери.

— Куда?! — я отшатнулась, но он уже шел к выходу, а меня толкнули в спину.

— Как куда? С папой знакомиться, — ухмыльнулся бандит, на ходу набрасывая малиновый пиджак прямо на голое, татуированное тело. — Нет лучшей рекомендации для сотрудника, чем отцовские наставления. Мой, например, меня еще в утробе задушить хотел. А твой?

— Мой не хотел... — пробормотала я, но договорить мне не дали.

Груз бесцеремонно толкнул меня в спину, заставляя перебирать ранеными ногами.

Мы быстрым шагом пошли по темному коридору, мимо служебных помещений, прямо к железной двери черного хода. Твердая рука Вячеслава толкнула створку, и на нас пахло сырым, ледяным питерским воздухом.

В тусклом свете уличного фонаря, посреди грязного двора-колодца, стоял отец. Старая «шестёрка» позади него продолжала тяжело дышать выхлопными газами. Папа опирался одной рукой на костыль, а во второй — старой, натруженной и дрожащей от напряжения — намертво сжимал обрез двустволки, направляя его прямо на нас.

Его лицо было бледным, суровым и решительным. Он был готов умереть здесь, но не оставить меня этим волкам.

— Вера! — выкрикнул отец, как только увидел меня, и его глаза лихорадочно блеснули. — Ты как?! Живая?!

— Я в порядке, пап! — крикнула я в ответ, пытаюсь загородить его собой от стоящих сзади амбалов Вячеслава. — Всё хорошо, мы можем ехать!

— Ты что с ней сделал, ирод?! — Голос отца сорвался на сиплый, отчаянный крик. Ствол обреза в его руке качнулся, целясь прямо в грудь Славе. Папа лихорадочно осматривал мой убогий вид: растрепанные волосы, порванное пальто и содранные в кровь колени, которые предательски дрожали на ледяном ветру.

— Взял на работу, — равнодушно отозвался бандит, даже не посмотрев на направленное на него оружие. Он заложил руки в карманы брюк, и его мощный торс под распахнутым малиновым пиджаком пренебрежительно двинулся навстречу ледяной крошке. — Что с ногой?

— Папа, он меня не тронул! — торопливо вмешалась я, пытаюсь разрядить эту пороховую бочку. — Всё нормально, честно! Они просто думали, что я шпионка...

— Я спросил, что с ногой, старик? — перебил меня Вольский, жестко чеканя слова и глядя прямо на костыль отца.

Папа тяжело задыхался, не опуская ружья, но ответил сквозь зубы:

— Авария на рудниках. В Якутске.

Вольский медленно перевел свой тяжелый взгляд на меня, скользнул по моим чертам лица и цинично усмехнулся:

— На якутянку ты не особо похожа, Владимировна.

Он лениво махнул рукой Грузу и остальным амбалам, давая знак, чтобы меня, наконец, оставили в покое. Хватка сзади исчезла.

— Я просыпаюсь в шесть, — бросил Вольский, разворачиваясь к теплу коридора. — Жду тебя к девяти тут.

— Тут? — не удержалась я от глупого вопроса, оглядывая темный, пропахший криминалом и дешевым шиком двор «Белых роз». — В клубе?

Вольский резко остановился, оборачиваясь. Его глаза опасно сузились:

— Тебя что-то не устраивает, заучка?

— Нет, нет, всё в порядке. Просто спросила, — быстро заговорила я, пятясь назад. — Тогда... до завтра?

Я сделала осторожный шаг к отцовской «шестёрке», чувствуя, как свобода и легальное спасение для моей семьи уже совсем близко. Но не успела я пройти и метра, как Слава в один бесшумный прыжок оказался рядом.

Его огромная, горячая ладонь намертво перехватила мое запястье и с силой притянула меня обратно, прямо к его обнаженной горячей груди.

— Вера! — взревел отец и тут же дернулся вперед, вскидывая обрез.

Реакция бандитов была секундной — три автомата Калашникова с сухим, металлическим щелчком мгновенно уставились папе прямо в лицо.

— Не стреляйте! — закричала я, пытаюсь вырваться из стальных тисков Вольского, но он держал меня железной хваткой, заставляя чувствовать свое горячее, ровное дыхание.

Мой новый босс или мой палач — в этот момент грань между ними окончательно стерлась.

Слава наклонился к самому моему уху, так что золотая цепь на его шее мазнула по моему плечу. Его голос упал до леденящего кровь шёпота:

— Если ты реально так хороша в том, о чём сейчас трепалась в кабинете, — я тебя озолочу, а твоего отца вылечу. Но если ты меня предашь, Владимировна... я уничтожу всю твою семью. По одному. А тебя заставлю сидеть и смотреть на это. Усекла?

Сердце сделало сумасшедший кульбит и застряло где-то в гортани. Морозный воздух обжигал легкие, но я нашла в себе силы поднять на него абсолютно спокойный, прямой взгляд. Внутри меня снова заговорила бешеная гордость.

— Да, — выдохнула я прямо ему в губы. — Вам абсолютно нет равных в ведении деловых переговоров, Вячеслав Борисович.

Глаза Вольского на секунду полыхнули бешеным огнем от моей дерзости. Он сильнее сжал мое запястье, почти выворачивая сустав:

— И придержи свой острый язык, заучка. Иначе я найду ему совсем другое применение.

Он резко оттолкнул меня от себя — так сильно, что я чуть не полетела кубарем в грязную ледяную крошку, едва удержавшись на ногах.

Не оглядываясь, на ватных, совершенно не гнущихся ногах я доковыляла до пассажирской двери «шестёрки». Отец, тяжело дыша и не сводя обреза с замерших на крыльце бандитов, медленно попятился следом за мной. Он закинул оружие на заднее сиденье, тяжело ввалился за руль и с силой рванул рычаг коробки передач. Старая машина взвыла, с пробуксовкой вылетая из мрачного двора-колодца на заснеженные улицы Питера. Назад дороги действительно больше не было.

- Я так и знал, что это было ошибкой.

- А ты ждал, что они расстелят передо мной красный ковер... Нет, он такой, каким я его и представляла. Агрессивный, наглый, но не тупой. Точно не тупой.

ГЛАВА 6. Слава

Слышу какой-то назойливый, сухой треск, а потом глаза слепит так, словно кто-то бесцеремонно направил мне в лицо стоваттную лампу.

Изнутри черепа сразу бьёт тупая, тяжёлая волна алкогольного похмелья. Этот урод, кто бы он ни был, очень сильно поплатится, когда я окончательно проснусь и соображу, чей ствол нужно засунуть ему в глотку.

Резко открываю глаза. Картинка фокусируется туго.

Сначала я вообще не понимаю, что происходит. То ли это продолжение затянувшегося сна, в котором эта заучка — Владимировна — главная героиня, но тогда одежды на ней должно быть гораздо меньше, то ли она реально потеряла всякий страх, попутала берега и зашла прямо ко мне в спальню.

Солнечный луч из незашторенного окна бьёт наотмашь, подсвечивая пылинки. А она стоит прямо у кровати. На часах — начало восьмого.

— Владимировна, ты крышей потекла? — хриплю я, с трудом разлепляя пересохшие губы.

— Слава, что за шум?.. — раздаётся рядом капризный, сонный писк.

Простыни колышутся, и я понимаю, что весь этот цирк разбудил Стеллу. Она вообще раньше полудня из-под одеяла не вылезает, если ей не пообещать шоппинг в «Большом Гостином». Стелла недовольно щурится, подтягивая шёлковое покрывало к голой груди, косится на незваную гостью и брезгливо кривит накрашенные с вечера губы:

— А это ещё кто? Убери это чучело отсюда.

Вера на её слова даже не реагирует. Стоит ровно, как на параде. Папка с какими-то бумагами прижата к груди, взгляд холодный, деловой и абсолютно пустой, словно перед ней не криминальный авторитет в постели с голой девкой, а пустой стул. На ней этот её строгий костюм заучки — серая юбка до колен, глухая блузка. Ни единого намека на флирт, ни одной лишней расстёгнутой пуговицы. Синий чулок как он есть.

— У нас, конечно, старый дом, но крыша в полном порядке, — спокойно, без тени смущения отвечает Владимировна.

Я раздражённо закрываю глаза и одним движением откидываю тяжёлое одеяло, поднимаясь с кровати в полный рост. Абсолютно голый. Пускай смотрит, раз припёрлась.

— Вчера ты на улице кричала, что между нами ничего не будет, — ухмыляюсь я, делая шаг к ней и демонстрируя всё, чем меня природа не обделила. — А сегодня сама прёшься ко мне в спальню с утра пораньше. Если ты хотела оценить мои возможности, Владимировна, то зашла как раз вовремя. Могу даже продемонстрировать прямо сейчас.

На её бледных щеках на долю секунды вспыхивает пунцовый румянец.

Она успевает отвернуться с чисто девичьей стремительностью, но самообладания не теряет.

Чётким, размеренным шагом Вера подходит к креслу в углу, где валялись мои шмотки, берёт оттуда чистое махровое полотенце и резким, выверенным движением бросает его точно в мой пах. Даже больно. На лету ловлю, цинично хмыкая.

— Вы сказали, что просыпаетесь в шесть, — чеканит она, глядя куда-то в район лепнины на потолке. — Похоже, это не ежедневный ваш ритуал, Вячеслав Борисович.

— Ну, допустим, не всегда в шесть, — я лениво завязываю полотенце на бёдрах, скрывая хозяйство. — Но это, блядь, не объясняет, что ты тут делаешь?

— Вы забыли, что вчера взяли меня на работу? Я пришла её выполнять. И решила начать с вашего гардероба.

Она без спроса подходит к массивному дубовому шкафу и уверенно распахивает тяжёлые створки. Лазит там своими тонкими пальцами, шуршит вешалками.

— А ещё я бы хотела обсудить место, в которое вы сможете приглашать приличных гостей, — добавляет она, выуживая один за другим мои шмотки.

— А чем тебя клуб мой не устраивает?

Я подхожу к ней со спины, почти вплотную. Нависаю всей массой, упираясь рукой в створку шкафа над её головой.

И тут меня накрывает. Из детства запах. Бомбический. Не духи эти дешёвые или парфюмерные, как у Стеллы, а малина со сгущёнкой. Натуральный такой, тёплый запах, аж в груди что-то ворочается.

Вера даже не вздрагивает от моей близости, только плечом слегка ведёт, отодвигаясь на сантиметр.

— Клуб «Белые розы» — это для неформальных встреч с вашими братками или теми, кто намертво связан с криминалом, — выдаёт она свой занудный вердикт, поворачивая ко мне голову. — А нам нужно солидное место, где вы сможете на высшем уровне принять высокопоставленного чиновника из Смольного или налоговой. А ещё мне нужна вся ваша документация. Вообще вся, которая у вас только есть.

— Слав! Она такая раздражающая и громкая, выгони её на хрен! — снова подаёт голос с кровати Стелла, кутаясь в шёлк.

Я медленно поворачиваю голову и бросаю на неё один-единственный взгляд.

Стелла этот взгляд знает — в нём зашифрован чёткий приказ завалить хлебало и не вклясть, пока разрешают дышать.

Она тут же поджимает губы, демонстративно вскакивает с постели, сверкая голой задницей, и обиженно топает в ванную, со стуком захлопнув за собой дверь.

Тем временем Вера, вообще не обратив внимания на чужие голые тела, уже сгребла в охапку мои парадные малиновые пиджаки — штук пять, из самого дорогого сукна, шитые на заказ — и бесцеремонно скинула их прямо на кровать, как кучу старого тряпья.

— Вер, слышь, — я перехватываю её за локоть, и в моём голосе опасно звякает сталь. — Я, конечно, взял тебя на работу. Но ты не зарывайся. Пальцы мне тут веером не крути.

— Малиновый пиджак — это показатель абсолютной безвкусицы и вашего местечкового статуса криминального авторитета, — выдаёт эта пипетка, глядя мне прямо в глаза. — Как только вы в таком виде входите в помещение, Вячеслав Борисович, вы вызываете у серьёзных людей только ухмылку. Все они ждут, когда вы проколитесь и сядете.

— Ну так думают про любого, кто может урвать свой кусок, — отрезаю я, продолжая удерживать её тонкую руку. Мог бы отпустить, но разве я могу отказать себе в удовольствии потрогать заучку.

— Это не так, — качает она головой, и в её глазах я вижу эту дебильную, непрошибаемую уверенность отличницы. — Вам нужно обновить гардероб, и как можно скорее. И рубашки тоже. Чёрные — это неплохо, но только на вечер. День — это время для светлой одежды. Голубые, розовые, можно с мелким сдержанным рисунком...

— Голубые? Розовые?! — Я аж челюсть роняю, отпуская её руку. — Ты меня за кого принимаешь, Владимировна? Меня пацаны на стрелке в розовом увидят — они же решат, что у шефа крыша поехала на почве баб.

— За человека, способного слушать и оценивать ценность экспертных советов, — спокойно поправляет она лацкан своего убогого серого жакета. — Поверьте, мы подберём такие оттенки, которые ни в коем разе не отменяют вашей мужественности. Скорее, подчеркнут её статусность.

— Надеюсь, блядь, — бурчу я, косясь на гору пиджаков. — А что насчёт твоего гардероба?

Вера на миг хмурится. Опускает взгляд на свою блеклую юбку до колена и старые кожаные туфли-лодочки. Похоже, задел за живое, у любого синего чулка внутри всё равно баба сидит.

— Как только вы выплатите мне первую зарплату, я обновлю гардероб, — сухо произносит она. — Но уверяю вас, он будет столь же сдержанным и закрытым.

— Неужели тебе самой не хочется надеть что-то более привлекательное? — Я обхожу её кругом, цинично оглядывая фигуру. Ноги-то у неё длинные, да и талия дай боже, если это серое недоразумение снять. — Разве ты не станешь лицом моей компании?

— Нет, — отрезает Вера, и её подбородок упрямо вскидывается. — Я стану вашей тенью, которую никто не должен замечать. Чтобы ни у кого из ваших партнёров даже мысли не возникло, что за вас решает женщина. Наш мир слишком далёк от того, чтобы принимать это как данность. Но однажды... однажды всё может измениться.

Я внимательно смотрю на её поджатые губы. Умная, сука. Всё просчитывает.

— Ладно. Хотя мне всё равно не нравится вот это всё. Слишком закрыто, смотреть не на что.

— Зато не отвлекает от дела, — парирует она и вытаскивает из глубины шкафа единственный приличный серый костюм-тройку и чистую чёрную рубашку. Протягивает их мне. — Пока вы надеваете вот это, я посмотрю объявления в газетах по сдаче офисных этажей или отдельно стоящих зданий.

— В сдаче? — Я перехватываю вешалку. — На хрен мне аренда? Мы вполне можем что-то купить. Бабки есть.

— Я пока не знаю ваших реальных финансовых возможностей, — занудничает Владимировна. — Посмотрю тогда и продажу. И документация, Вячеслав. Жду.

— Да, да, сейчас оденусь и провожу тебя. Я держу ключ от этой комнаты только у себя.

— Тогда жду в коридоре, — она разворачивается, собираясь выйти, а я приоткрываю дверь, выглядываю наружу и зову сонного Пашку, который дежурит у дверей спальни.

— Паш, плесни там чаю, разбуди Арика на кухне, пусть Веру накормит нормально.

— Хорошо, шеф, сейчас всё сделаем, — кивает Пашка, косясь на заучку.

— Я не голодная, — тут же вставляет свои пять копеек Владимировна. — У нас работы много.

— Работа работой, а режим питания нарушать нельзя, — я цинично осматриваю её тощую фигуру. — Ты слишком худая, Владимировна. Одни кости да пучок на затылке.

Вера останавливается в дверях, медленно поворачивается, и на её губах появляется едва заметная, ехидная ухмылочка:

— Сколько бы я ни ела, Вячеслав Борисович, таких выдающихся форм, как у вашей Стеллы, мне все равно не приобрести. Так что можете даже не стараться.

Я на секунду зависаю, а потом ладно так, в голос затыкаю ржач и с силой захлопываю дверь прямо перед её носом. Вот же язва.

Поворачиваюсь и иду в душ. Стелла там уже вытирается большим махровым полотенцем, надув свои пухлые, накачанные губы. По привычке хочу подойти к ней, прижать сзади, как делаю каждое утро, но взгляд натывается на её грудь. Большая, сочная, очень аппетитная грудь... но сейчас она мне кажется какой-то... потерявшей товарный вид, что ли. Смотрю на эти розовые соски и ловлю себя на мысли: сколько раз на эту грудь чужие мужики в клубе пилились? Сколько раз её руками трогали до меня?

А вот грудь этой Верки... Закрытая на все пуговицы, спрятанная под убогим серым сукном. Она ведь наверняка эксклюзивная. Только для одного-единственного. Для самого-самого, кто удостоится чести этот пучок дурацкий распустить.

— Она мне не нравится, Слав, — резко бросает Стелла, заметив мой остановившийся взгляд. — Выгони её. От неё неприятности будут.

Её капризный, писклявый голос окончательно сбивает весь настрой. Напрочь. Я прохожу мимо неё, даже не прикоснувшись. Сразу шагаю в душевую кабину.

— Постарайся смириться, милая, — бросаю я через плечо, включая воду. — Мне очень не хочется делать между вами выбор. Ведь далеко не факт, Стеллочка, что я выберу тебя.

Она возмущённо распахивает свои пухлые губы, но я уже закрываю стеклянную дверцу и врубаю ледяной душ на полную мощность. Вода обрушивается на голову, я матерюсь от непередаваемых ощущений, смывая остатки вчерашнего вискаря. А в голове почему-то сплошным кадром стоит этот строгий, недоступный образ Веры в сером пальто. И, сука, отвлекает. Отвлекает просто тем, что даёт такой мощный, такой простор для моей грязной фантазии.

Глава 7. Вера

Клуб казался настоящим лабиринтом, пока Паша вел меня на кухню. После душного, прокуренного зала с его тяжёлыми басами служебные коридоры «Белых роз» выглядели бесконечными и запутанными. Я едва сдерживала раздражение от расслабленности Славы, да и его персонала в целом. Шёл уже восьмой час утра, а здесь все только-только лениво выползали из своих нор. Полное отсутствие дисциплины. Можно было только догадываться, какой кавардак сейчас царит в его документации и сколько мне ещё предстоит перелопатить, чтобы приступить к главному — к реабилитации его репутации и выводу активов из тени.

Меня приводят на кухню, где велют ждать. Паша коротко бросает: «Сиди тут, сейчас всё будет», — и исчезает за дверью.

Кухня мне нравится. На удивление, посреди всего этого блуда, пошлости и хаоса, которые творились в VIP-зоне и на этажах, это место кажется настоящим островком чистоты и порядка. На нержавеющей стали огромных разделочных столов — ни пятнышка, медные сотейники ровными рядами висят на стенах, в воздухе приятно пахнет свежесваренным кофе и поджаренным хлебом, а не дешёвым алкоголем и табачным перегаром.

Я прохаживаюсь между столами, заглядывая по углам. От вечного стресса и утренней стычки в спальне Вольского желудок сводит голодной судорогой. Наконец, не выдержав, я шагаю к огромному двухстворчатому холодильнику и открываю его, чтобы засунуть свой нос и посмотреть, чем тут вообще кормят.

И тут за спиной раздаётся резкий, злой окрик:

— Закрой мой холодильник, женщина, кто бы ты ни была!

Я испуганно ойкаю и с глухим стуком закрываю тяжёлую дверцу, быстро поворачиваясь на каблуках.

Предо мной стоит худой, но злой парень неславянской внешности. Волосы растрёпаны, фартук завязан наспех — он явно не привык вставать так рано и сейчас буквально источал флюиды раздражения. Тёмные узкие глаза буравят меня с явным недовольством.

— Так это тебе, цаце, нужно приготовить завтрак? — Он кривит губы в циничной усмешке, упирая руки в бока. — Кто ты вообще такая? Новая соска босса?

Из-за его спины как раз выходит Паша, держа в руках блокнот.

— Арик, ты поаккуратнее, — лениво осаживает его охранник, даже не поднимая глаз от записей. — Это новая помощница шефа.

— Помощница, проститутка... — Арик пренебрежительно фыркает, разворачиваясь к плите и с грохотом выставляя на конфорку чугунную сковороду. — Как по мне, всё одно. Ходят тут всякие с утра пораньше, спать не дают.

Внутри меня мгновенно закипает якутская гордость. Я складываю руки на груди, меряю повара ледяным взглядом и спокойно, отчётливо произношу:

— А по мне, что якут, что кореец — всё одно. Или ты таджик?

Парень буквально надувается от возмущения. Шагает обратно ко мне, лицо его стремительно краснеет, становясь похожим на спелый помидор.

— Да как ты можешь сравнивать?! — почти кричит он, активно жестикулируя лопаткой для жарки. — Это стереотип, что все азиаты похожи! У нас абсолютно разная культура, разный разрез глаз, разная история!

— И я это прекрасно понимаю, — ледяным тоном перебиваю я его, не двигаясь с места. — Потому что ты точно якут. Но тогда ответь мне: почему ты позволяешь себе столь пренебрежительное отношение к женщинам? Помощница, проститутка, повар... Какая разница? Это просто работа, за которую нам всем здесь платят деньги. И ты выполняешь свою, а я — свою.

Арик замирает. Несколько секунд он лихорадочно хватается ртом воздух, разглядывая мою строгую серую юбку, застёгнутую на все пуговицы блузку и абсолютное, непрошибаемое спокойствие на лице. Наконец, его плечи опускаются, а злость сменяется неохотным уважением.

— Да уж... — бурчит он, пряча лопатку за спину. — Ты точно не соска. Садись давай и ничего больше не трогай. Так и быть, накормлю тебя завтраком.

Я коротко переглядываюсь с Пашей. Тот прячет усмешку в кулак, поднимает вверх оба больших пальца, беззвучно показывая мне «класс», и уходит из кухни делать свои дела.

Я сажусь на высокий барный стул у раздаточного стола. Ждать приходится недолго. Я молча и с некоторым завораживающим интересом наблюдаю, как Арик буквально творит чудеса с яйцами и сковородкой. Его движения становятся быстрыми, точными, почти артистичными. Очевидно, готовить он действительно умел и любил.

— Ты не якутянка, — вдруг негромко говорит он, разбивая очередное яйцо о край миски. На этот раз в его голосе нет прежней агрессии — только любопытство.

— Нет, — соглашаюсь я, подпирая подбородок ладонью. — Но долго там жила.

— В Лене плавала? — Арик быстро орудует венчиком.

— Даже рыбачить ходила. И чай местный собирала.

Он бросает на меня быстрый взгляд через плечо, на его губах мелькает тень улыбки:

— Но оленей, небось, не пасла?

— Не пришлось, да, — усмехаюсь я, чувствуя, как атмосфера на кухне окончательно разряжается.

— Когда уехали?

— Пять лет назад. Отцу нужно было срочное лечение, и нас отправили от компании в Питер. — Я внимательно смотрю на его профиль. — А как твоё полное имя?

— Ты не выговоришь, — отмахивается он, выливая воздушную яичную массу на раскалённое масло. Сковорода аппетитно шипит.

— А ты попробуй.

Парень вздыхает, перекладывает полотенце через плечо и поворачивается ко мне:

— Арылхан.

— Арылхан, — без запинки, с правильным гортанным акцентом повторяю я. — Что тут сложного?

Он мев на секунду, он удивлённо качает головой:

— Ну... спроси у тех местных придурков, которые стали звать меня Ариком. Им язык ломать лень.

— Почему ты спишь тут, в клубе? — спрашиваю я, замечая в углу за ширмой сложенную раскладушку и аккуратную стопку личных вещей.

— Снимать хату в Питере сейчас дико дорого, — хмурится Арылхан, ловко подбрасывая омлет на сковородке. — А я деньги коплю. Хочу квартиру свою купить, нормальную, чтобы ни от кого не зависеть.

И вот он поворачивается, делает красивый жест рукой и ставит передо мной белоснежную тарелку с пышным, золотистым омлетом. Такой идеальной формы я, наверное, не видела со времён детского садика. Стоит мне слегка толкнуть тарелку вилкой, как омлет начинает подрагивать, словно нежное желе. Рядом опускается чашка с умопомрачительно пахнущим свежим кофе.

— Колдун, — искренне усмехаюсь я, вдыхая аромат. — У моей мамы такой никогда не получался, вечно оседает.

— Пробуй давай, помощница, — Арылхан садится напротив меня, подперев голову руками, и с гордостью наблюдает за моей реакцией. — Хочу в этом году съездить домой, в Якутию. Мама всё зовёт, скучает. Я уже который год Новый год не дома праздную, всё в этом Питере...

Я отрезаю кусочек — он буквально тает во рту. Запиваю глотком крепкого, горького кофе.

— Давно ты работаешь на Вольского? — спрашиваю между делом.

— Года три точно, — Арылхан тупится в столешницу, и его лицо становится серьёзным. — Он, кстати, из такого дерьма меня в своё время вытащил... Бабки задолжал я не тем людям, думал, закопают где-нибудь под Выборгом. Слава вопросы порешал, а потом ещё и курсы поваров мне дорогие оплатил.

— Ну, он сделал это не потому, что он такой добрый, — спокойно замечаю я, делая очередной глоток. — А потому, что теперь ты ему по гроб жизни обязан, и он будет этим пользоваться. Нет лучшего вложения для таких людей, чем вложения в тех, кто на них работает. Это называется лояльностью.

Арылхан прищуривается, внимательно разглядывая меня:

— Так, напомни... а что ты сама забыла рядом с криминальным авторитетом? Такую умняшку, с руками и ногами, должны были в любой нормальной, чистой фирме с руками оторвать.

— Ага, — я невесело усмехаюсь, вспоминая потного Буркина и его сальные лапы. — А потом эту честную фирму отжал бы точно такой же Вольский. Я просто решила сменить подход к карьере.

— Не можешь победить — возглавь? — понимающе ухмыляется повар.

— Что-то типа того... Боже, Арылхан, это действительно очень вкусно, а кофе просто божественный.

— Ну, раз божественный, то сделай и мне, Арылхан. Тебя реально так зовут?

От этого резкого, хриплого голоса у меня по спине мгновенно проносится табун колючих мурашек. В дверях кухни, заполняя собой весь проём, стоит Вольский. На нём уже надет тот самый серый костюм-тройка и чёрная рубашка, которые я ему выдала. Надо признать, выглядел он в них чертовски хорошо — широкие плечи, мощная фигура, жёсткий подбородок. Больше никакого кричащего криминального шика, теперь перед нами стоял солидный, опасный мужчина высокого статуса.

Слава уверенно проходит вглубь кухни и садится на соседний стул прямо рядом со мной. И это при том, что места за длинным раздаточным столом было ещё полно. Более того, он с намеренным, глухим стуком пододвигает свой стул так близко, что наши бёдра плотно соприкасаются сквозь ткань одежды.

Внутри всё сжимается от этой беспардонной близости. Уже не первый раз он в своей совершенно наглой, животной манере нарушает моё личное пространство и делает это при других людях. Даже свою девушку Стеллу в спальне не постеснялся.

Сейчас он хотя бы полностью одет и больше не выглядит как оживший древнегреческий бог в залах Эрмитажа. Мне больше не нужно судорожно контролировать свой взгляд, который в спальне то и дело стремился посмотреть туда, куда не следовало, проверяя, так ли он хорош телом, как я запомнила во время налёта.

— Так и зовут, шеф, — Арылхан мгновенно подтягивается, растеряв всю свою недавнюю расслабленность. — Черный кофе, как обычно?

— Да, — бросает Слава, не сводя с меня пристального, затуманенного взгляда. — А что ты тут ела, Владимировна?

— Омлет, — тихо отвечаю я, стараясь игнорировать жар, исходящий от его бедра. — Как в садике.

— Я не ходил в садик, — Слава цинично хмыкает, забирая у Арылхана чашку кофе.

— А в школу? — не удерживаюсь я от шпильки.

— Там бывал иногда, — ухмыляется он, обнажая ровные зубы. — Чисто отметить.

«То-то и заметно, что иногда», — мысленно ворчу я, отодвигая свой стул на пару сантиметров в сторону, чтобы прекратить этот двусмысленный контакт.

Но Вольский замечает это мимолётное движение. Его брови опасно взлетают вверх, а в тёмных глазах вспыхивает насмешливый вызов.

— А чё ты отсаживаешься-то от меня, заучка? Я душ принял, зубы почистил, не воняю.

В этот момент Арылхан молча ставит прямо перед ним точно такую же тарелку с пышным омлетом. Слава тут же придвигает её к себе и начинает есть — быстро, размашисто, так, словно только что приехал с голодного края.

— Я очень рада, Вячеслав Борисович, что вы знакомы с элементарными правилами гигиены, — ровно, включая свой самый профессиональный тон, произношу я. — Но я считаю, что сидеть или находиться настолько близко ко мне — неприемлемо.

— Это ещё для кого? — чавкая, спрашивает он и косится на меня.

— Для будущего вашего имиджа. Вам нужно учиться соблюдать личное пространство тех людей, с которыми вы ведёте дела вне плоскости вашей постели. Да даже с вашей девушкой на людях стоит иметь некие границы, чтобы строго соблюдать правила приличия. Это основа делового этикета.

Слава замирает с вилок в руке. Несколько секунд он переваривает мою нотацию, а затем хрипло, раскатисто хохочет на всю кухню, оборачиваясь к повару:

— Слышал, Арылхан, какая приличная и правильная помощница мне досталась? Чисто профессор в юбке!

Арылхан, не прерывая работы, тихо отзывается:

— Вам очень повезло, Вячеслав Борисович. Думаю, будет глупо потерять её как специалиста. Потому что как девушка она вряд ли что-то сможет вам предложить.

— В смысле?! — хором выдаём мы со Славой. Я аж кофе поперхнулась, а Вольский резко опустил вилку на тарелку.

Повар спокойно вытирает руки полотенцем и выдаёт с абсолютно невозмутимым видом:

— Ну... с вашим послужным списком, шеф, и вашей бурной фантазией... такая правильная, чопорная и приличная особа будет в постели как обычное бревно. Никакого огонька.

На кухне повисает секундная тишина. Я чувствую, как мои щёки моментально заливают густой, пунцовый румянец от этой пошлой темы.

Слава медленно поворачивается ко мне, на его губах играет грязная, азартная ухмылка. Он откидывается на спинку стула, откровенно наслаждаясь моим замешательством:

— Ого... Ну что, Вера Владимировна? Париуй. Докажи парню, что он не прав.

Я глубоко вздыхаю, заставляя себя успокоить бешено заколотившееся сердце, и возвращаю на лицо маску абсолютного холода:

— Зачем? Он абсолютно прав.

Слава даже приоткрывает рот от удивления, не ожидая такой капитуляции. А я спокойно допиваю кофе, аккуратно промокаю губы салфеткой и поднимаюсь со своего места.

— Вы поели, Вячеслав Борисович? Я бы хотела всё же приступить к работе, ради которой я здесь нахожусь.

— Скучная вы женщина, Вера Владимировна, — ворчит Вольский, поднимаясь вслед за мной. Он недовольно кривит губы, но взгляд его тёмных глаз по-прежнему жадно сканирует мою фигуру.

— Зато результативная, — отрезаю я, поправляя папку под мышкой. — И чем быстрее я приступлю к работе, тем быстрее вы перестанете воспринимать меня как очередной объект желаний. Потому что у таких людей, как вы, над любой похотью всегда преобладает сильное желание наживы. А я принесу вам очень много денег. Чистых денег.

Слава делает шаг ко мне, наклоняясь так близко, что я снова чувствую его горячее дыхание. На его лице играет опасная, двусмысленная улыбка.

— А скажи ещё раз это слово... «похоть». Только медленно. Так, как ты умеешь. Внутри меня всё вспыхивает от пугающего, жаркого раздражения.

— Да пойдёте уже! — в сердцах восклицаю я и с силой толкаю его ладонью в жёсткое плечо.

Вольский со смехом уворачивается и широким шагом выходит из кухни, довольный тем, что всё-таки сумел вывести меня из равновесия. Я на секунду задерживаюсь, оборачиваюсь и машу рукой Арылхану. Повар понимающе подмигивает мне в ответ, мол, держись, помощница. Нам обоим предстоит весёлый день.

Глава 8. Вера

Новые и новые коридоры, по которым вёл меня Вячеслав, начали утомлять. После душевной кухонной перепалки и плотного завтрака, который Арылхан приготовил с таким мастерством, ноги в туфлях-лодочках отзывались тупой болью. Колени под капроном жгло — напоминание о вчерашнем экстремальном «собеседовании» на полу ложи. Здание клуба действительно напоминало лабиринт с бесконечными переходами и глухими стенами.

Но вот наконец и нужная дверь, железная даже. Она выделялась на фоне остального интерьера своей массивностью и грубой, монументальной надёжностью.

— Вы её из тюрьмы украли? — не удержалась я от шпильки, покосившись на толстый металл.

— Раньше тут был отдел милиции, к слову, — усмехается он, звеня тяжёлой связкой ключей в руке, — а в подвале есть даже камеры для особо взыскательных клиентов.

Я остановилась, внимательно вглядываясь в его жёсткий профиль.

— Это шутка?

— Про тюрьму или то, что фантазии некоторых людей могут заставить твою жопку сжаться? — Вольский обернулся ко мне, и в его тёмных глазах снова заплясали те самые черты из VIP-ложи.

— Даже знать не хочу, — фыркаю в ответ, демонстративно расправляя плечи.

Вячеслав провернул длинный ключ в замке три раза, створка со слабым щелчком поддаётся, и я наконец зашла в открытую боссом дверь.

Собственно, дальше порога идти особо некуда.

Небольшая комната без окон, освещённая лишь мощной лампой под потолком, была буквально погребена под горами бумажного хаоса.

Кабинет полностью завален коробками, из которых торчали документы, просто целые стопки папок, тетрадей в клеточку, каких-то наспех перевязанных бечёвкой свертков, а ещё деньги. Господи, сколько тут было денег. Они лежали пачками прямо в коробках из-под обуви, тускло поблёскивая в жёстком электрическом свете.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается от профессионального ужаса перед этим бухгалтерским кладбищем.

— Я так понимаю, это всё тут лежит, чтобы вы в дни особой хандры плавали тут, как Скрудж Макдак?

Вячеслав на секунду завис, переваривая сравнение, а потом смеётся в голос — хрипло, раскатисто, откинув голову назад.

— Никогда не понимал, как он не умирает, ныряя в монеты.

— Давайте проверим. Переведём все ваши деньги в монеты и устроим следственный эксперимент.

— Вот всегда знал, что синие чулки — самые жестокие, — Слава опёрся плечом о дверной косяк и цинично оглядел меня сверху вниз. — Не зря говорят про тихое омут. И что ты собираешься со всем этим делать, Владимировна?

— Умереть от количества пыли, полагаю, — я осторожно перешагнула через одну из коробок. — А если серьёзно, то вообще нужно немедленно отделить документы от денег. Сами хотите этим заняться?

— Ну вот ещё. Для чего я тебя нанимал?

— Я сама нанялась, Вячеслав Борисович, — поправила я его, не оборачиваясь. — Тогда план такой: нам срочно нужно снять или купить нормальный, цивилизованный офис, в который часть этих документов перекочет. Но самое главное — мне прямо сегодня нужен ком-

пьютер и хороший сканер, чтобы всё это оцифровать, а наличные деньги — положить в банк под нормальный процент.

При слове «банк» Вольский мгновенно посерьёзшел, и на его лице снова проступила маска опасного криминального лидера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.